

ПОЭТИЧЕСКИЕ СОБЕСЕДНИКИ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА

У статті характеризується своєрідність діалогізму в ліриці О. Кушнера, однією з частотних форм якого є віртуальний діалог поета зі своїми попередниками. Предметом аналізу стали засоби виявлення духовного взаємозв'язку автора з поетами минулих епох, притаманні художній індивідуальності Олександра Кушнера.

Ключові слова: діалог, попередники, поезія, зв'язок, культура.

Каждый поэт нуждается в читателе, и Александр Кушнер не является исключением. Не всегда современники доброжелательно откликаются на творческие искания поэта. Как известно, первые стихотворения А. Кушнера были приняты критиками нерадушно, но нашли положительный отклик среди читателей. По справедливому утверждению Аллы Марченко «...случай Кушнера есть тот нетипичный случай, когда поэт нашел своего читателя, миновав, казалось бы, неизбежный для начинающего авторского таланта статус “замечен критикой”...» [12]. Примечательно то, что поэзия А. Кушнера обращена не только к современному читателю, но и к великим деятелям прошлого. Они фигурируют в образной системе его стихотворений, поэт мысленно обращается к предшественникам, полемизируя, ища их поддержки и одобрения.

Довольно часто Кушнер испытывает потребность в разговоре со своими старшими соратниками по перу:

Поговорить бы тихо сквозь века
С поручиком Тенгинского полка
И лучшее его стихотворенье
Прочешь ему, чтоб он наверняка
Знал, как о нем высоко наше мнение [11, 4].

В одном из интервью Кушнер признавался: «Для меня поэты-предшественники – это главные мои читатели...» [6, 131]. Такие виртуальные встречи с великими мастерами поэтического слова стали нормой повседневной творческой жизни А. Кушнера.

Среди античных собеседников поэта можно выделить наиболее часто встречаемые имена Эсхила, Гомера, Архилоха. От Гомера воспринял поэт и свою неиссякаемую любовь к античной культуре: «Я люблю их, Афин, Афродит, Артемид, Аполлонов, Гермесов. / Мне забыть их Гомер не велит» [7, 6].

В статье, названной пушкинской строкой «С Гомером долго ты беседовал один...», Кушнер проводит параллель между гомеровским эпосом и своим любимым романом М. Пруста «В поисках утраченного времени», отмечая, что это произведение XX века ничуть не более сложно и запутано, чем «Одиссея», и что «архаикой» роман французского писателя станет много ранее, чем творение Гомера [9, 359]. Очевидно, что для него гомеровское произведение не теряет своей актуальности и поныне. Мысленно перенося древнегреческого поэта в современную действительность, Кушнер высказывает уверенность в том, что «...Гомер сегодня писал бы лирические стихи» [9, 373]. Не без влияния творчества Гомера, как он полагает, «возник новый поэтический жанр – книга стихов» [9, 374].

Герои «Илиады» и «Одиссеи» неоднократно фигурируют в произведениях Кушнера. Гомеру посвящено стихотворение «Я думаю, когда Гомер писал...» [5, 6–7]. В нем древнегреческий поэт предстает не в привычном образе слепого старца, сочиняющего известную сцену прощания Гектора с верной женой Андромахой, а тонко чувствующим молодым человеком: «Лет двадцать пять, я думаю, ему, / От силы тридцать было...» [5, 6]. Целиком отдаваясь творчеству, сам Гомер, по мысли А. Кушнера, остро переживал описываемые страсти. Не чуждо было древнегреческому гению и простое земное счастье: «И сам любил, и жарко был любим...» [5, 7]. Кушнер стремится приблизить образ Гомера к современному читателю, заставить того почувствовать человеческие качества поэта, а не воспринимать его как глянцевого образ прошедших веков. Кушнеровский Гомер «плакал и пылал, / И слезы утирал, смутясь, рубахой, / Заглядывая в пасть тоски» [5, 6]. В стихотворении прослеживается попытка проникнуть в психологию творчества, ощутить атмосферу создания шедевра и увидеть его создателя за работой.

А. Кушнер осознает значение древнегреческих поэтов для последующих поколений писателей. Так, в стихотворении «Архилох» он признается, что испытал влияние этого родоначальника европейской лирики. Оценивая положение Архилоха в ряду великих современников, Кушнер восклицает: «Вот он, первый лирический в мире поэт, / Каково ему! Сам сознает, / Что есть греческий эпос, а лириков нет: / Не Гомер он и не Гесиод» [8, 92]. Ощущая себя преемником Архилоха, Кушнер вполне осознает различие судеб поэтов, разделенных тысячелетиями. По сравнению с

жизнью воина, каким был незаконнорожденный Архилох, сам Кушнер «изнежен», поскольку его жизнь более спокойна. Однако одно их точно объединяет – любовь к поэзии: «За короткую вещь я поэму отдам, / За двенадцать стремительных строк!» [8, 93]. Кушнер ощущает присутствие в своей жизни далекого поэтического предка: «Иногда, может быть, в полусне забытья / Он царапает что-то копьём» [8, 93].

Архилох упомянут в еще одном стихотворении конца 90-х годов, где имя древнегреческого лирика появляется в контексте грустных размышлений Кушнера о победе прозаического искусства над поэтическим: «Стихи – архаика. И скоро их не будет» [9, 164]. Чувство сожаления является доминантным, но вместе с тем архаическое имя Архилоха, чья лирика остается достоянием человечества на протяжении нескольких тысячелетий, выступает в качестве аргумента в защиту поэтического слова, вселяет оптимизм относительно его будущего. Поэзия Архилоха не теряет актуальности и в начале третьего тысячелетия.

К отцу европейской трагедии, древнегреческому драматургу Эсхилу, Кушнер обращается в стихотворении «Трагедия легка...». Здесь трагическим конфликтам античной эпохи с их неприменным катарсисом («... убьют или погубят – / Искуplen будет мрак прозреньем и слезой») противопоставлены беды, несчастья современного бытия – болезни, семейные драмы, разводы, смерти. «Я драм боюсь, Эсхил», – признается поэт. Ужасы окружающей действительности подвигают его к мысли, что спокойный сон человека нередко оплачен трагедиями чужой жизни. Не случайно в триптихе «Трагики» предметом осмысления становится смерть, по-разному наступающая великих драматургов античности. Поэт сопоставляет не только творческие индивидуальности Эсхила, Софокла и Еврипида, но их судьбы.

Обращается Кушнер в своих произведениях и к римским поэтам. Воздавая должное в одном из стихотворений умению древних пристально вглядываться в окружающий предметный мир, Кушнер восклицает: «Разреши мне, Вергилий, добавить, что есть душа / У материи тоже, не только у человека» [11, 5].

В стихотворении «Как писал Катулл, пропадает голос...» Кушнер полемизирует с древнеримским поэтом, утверждавшим, что любовь делает человека слепо-глухо-немым – «отлетает слух, изменяет зреньё». Кушнер называет такое состояние влюбленностью и полагает, что в противоположность этому чувству, способному заманить человека в сети и лишить его возможности воспринимать реальную действительность, любовь окрыляет, помогает творить, открывает человеку целый мир. Обращаясь к своему предшественнику, Кушнер восклицает: «“Звон и шум, – писал ты, – в ушах заглохших, / И затмились очи ночью тенью...” / О, дожить до любви! До великих новшеств! / Пищу слуху давать и работу – зренью» [9, 133]. Так, вступая в творческий диалог с великим римским поэтом, А. Кушнер создает свой гимн любви, во имя которой свершаются великие дела.

Но не только поэзия составляет содержание творческой жизни Александра Кушнера. Не случайно один из его поэтических сборников получил название «Ночная музыка». Именно музыку называет Кушнер счастливой сестрой поэзии, обладающей всемирным языком. Обращаясь к ней, поэт восклицает: «До сердца пробираешь, до нутра, / Сквозь сумерки и через все ступени» [9, 135]. По мысли Кушнера, музыка наделена удивительной способностью будить живую мысль и давать новое дыхание поэтическому искусству. Она приходит на помощь в беде и унынии, помогает творить.

На вопрос «какую роль в вашей жизни играет искусство?» Кушнер на вечере, посвященном выходу в свет его книги «Мелом и углем», ответил следующее: «Искусство – великое утешение. И, может, – даже самое большое в жизни утешение. В минуту жизни трудную приходит на помощь музыка. Приходят на помощь стихи. Живопись. А иначе их бы не существовало» [13].

Не удивительно, что в произведениях Кушнера часто фигурируют имена и образы великих композиторов. С огромным почтением обращается он к польскому гению Фредерику Шопену. Перед читателем предстает виртуальная сценка встречи поэта с композитором. Свободная форма общения поражает своей легкостью, словно не века разделяют этих собеседников. Поэт сожалеет о том, что музыкальный диапазон творчества Шопена ограничен:

Фредерик, вы должны обессмертить себя,
Фортепьяно для этого мало,
И, любя вашу музыку, страстно любя,
Я хотел бы ещё и вокала
И симфонии, оперы вам пожелать [2, 4].

Обращаясь к собеседнику, Кушнер не скрывает своей любви к его волшебной музыке, но убежден, что в разнообразии музыкальных форм «надо Моцарту быть и Россини под стать». Своим союзником Кушнер считает Адама Мицкевича, в свое время дававшего такой же совет Шопену. Однако Кушнер оставляет право композитору самому выбирать направление своего творчества: «Он напишет ноктюрн и приложит к письму – / И ноктюрн будет лучшим ответом» [Там

же]. Как известно, фортепианный ноктюрн достиг расцвета именно в творчестве Фредерика Шопена, написавшего двадцать одно произведение в этом жанре. Но от гения всегда хотят большего, чтобы иметь возможность насладиться лучшими образцами данного вида искусства.

В своем поэтическом творчестве Кушнер обращается не только к мастерам зарубежного искусства. Его собеседниками становятся как классические, так и современные русские поэты и писатели. Остановимся лишь на некоторых примерах духовного общения Кушнера с деятелями русской культуры XIX столетия.

В одном из стихотворений поэт мысленно обращается к Н. Карамзину, ищущему спасения от злобной российской цензуры в Константинополе. Забрав детей, направляется великий русский историк и писатель в Одессу, чтобы на корабле покинуть родную страну. Кушнер сетует о том, что век спустя долгожданное избавление от цензуры не принесло счастья: «Мы так ее пинали, ненавидели, / Была позором нашим и стыдом, / Но вот смели – и что же мы увидели? / Хлев, балаган, сортир, публичный дом» [10, 12]. Утрата нравственной цензуры приводит, по мысли автора, к полной вседозволенности, превращающей страну в хаос. Безусловно, А. Кушнер знает, скольким талантливым произведениям не суждено было увидеть свет вовремя, сколько писателей не могло публиковаться из-за цензурных утеснений. Но в великой поэтической вечности суждена встреча всем истинным творцам и потому, вспоминая о Карамзине, Кушнер восклицает: «Там, под Айя-Софией, нам свидание / Назначил он – и я увижусь с ним» [10, 13].

Готовый помочь и разделить минуты горести, Кушнер с наслаждением делится мгновениями счастья и радости с теми, кто способен его понять. Совершенно в духе пушкинского внимания к обыденным житейским мелочам он описывает свой быт, наслаждение августовским днем, благодатным сном в порывах ветра, обозначившего границы лета и осени. В традиции поэтических посланий XIX столетия Кушнер обращается к пушкинскому другу, тем самым словно подчеркивая родство всей поэтической братии: «Я счастлив, Дельвиг, был, я спал на раскладушке / Среди века хвойного и темнокрылых смут» [9, 126]. Это обращение неслучайно. В свое время Дельвиг в стихотворении «Конец золотого века» (1828) размышлял над вопросом о природе человеческого счастья. Он был убежден, что счастье неуловимо и быстротечно: «...но счастье / (После узнали мы) гость на земле, а не житель обычный» [1, 73]. Кушнер разделяет мнение своего предшественника, поскольку сам ощущает прелесть и недолговечность счастья, состоящего в единении с природой. Утверждая, что «нам лень завещана, не только вечный труд», Кушнер апеллирует к поэтической мысли Дельвига, который в шуточной самохарактеристике (стихотворение «Бедный Дельвиг») так описывал свое времяпрепровождение: «Один он с леностью живет, / Блажен своей судьбою, / Век свой о радости поет / И незнаком с тоскою. / О счастье не говорит, / Но счастье с тобою / Живет – и будет вечно жить / И с леностью святою!» [1, 107].

Близким по духу и мировосприятию остается для А. Кушнера Е. Баратынский. Имя этого поэта XIX столетия неоднократно звучит и в стихах, и в статьях Кушнера. Пронзительное признание в любви и острое чувство утраты определяет атмосферу стихотворения «Не умирай, Баратынский, не надо!». Это произведение построено в форме воображаемого диалога. Ответом на прозвучавшую в первой строке мольбу становятся слова, которые могут быть восприняты как реакция самого Баратынского: «Да почему же не надо? Пора. / Можно от сердца, а лучше от яда, / И поскорей! Хорошо бы с утра» [3]. Бесприютная смерть Баратынского воспринимается Кушнером как личная обида:

Не умирай, Баратынский, Неаполь
Быструю смерть не заметит твою:
Как декорации в пышном спектакле,
Здесь кипарисы не дрогнут в строю.
Да и Россия слепа, глуховата,
Смерти и там не заметят твоей [3].

Атмосфера непонимания и безразличия, которая окружала Баратынского в последние годы его жизни, воспроизводится в стихотворении Кушнера с детализированной точностью – это и одиночество, и характерные для стихотворений Баратынского мотивы осени, и не покидающее поэта чувство мрака и обиды. Отношение дружеского сочувствия и даже стремление соучаствовать в судьбе своего поэтического учителя звучат в строках кушнеровского стихотворения: «Не умирай, Баратынский, не надо! / Я твой читатель, меня пожалей!». Далее боль утраты распространяется на всех великих поэтов, покинувших земной мир, поэтому появляется множественное число: «Не пожалеет. Забыли, уснули, / Спят еще. Рано. И дружба не в счет». Возвращение к образу Баратынского происходит при упоминании даты смерти поэта: «Дату: одиннадцатое июля / Черным кружком разве кто обведет?». Но утешением становится уверенность, что такой почитатель, пусть даже век спустя, все же найдется! Чувство тоски и досады сменяется в стихотворении верой в бессмертие истинных человеческих ценностей: «Не умирай, Баратынский, не надо! / Умер. Не умер, шепчу ему, нет!» [3].

В наследии Александра Кушнера имена предшественников по поэтическому делу звучат часто и с особым чувством благодарности. Таково, например, обращение к Жуковскому в стихотворении «Померкли облака... Жуковский, посмотри...», таковы и многочисленные упоминания любимейшего Фета («Какое счастье – Фет! / – Евангелие наше...»), таковы и переключки с Тютчевым, цитаты и реминисценции из его поэзии.

Ощущение своей причастности к неувядаемым традициям русской литературы определяет и понимание Кушнером культуры как непрерывно длящейся реальности, лишенной географических и временных перегородок. В таком мире можно рассчитывать на духовную встречу с деятелями прошедших эпох. Эта мысль находит выражение в одном из стихотворений поэта: «Запиши на всякий случай / Телефонный номер Блока: / Шесть – двенадцать – два нуля [9, 148]. Возможность встречи с любимым поэтом вполне соответствует представлениям Кушнера. Но даже в этом случае он сохраняет деликатность, опасаясь побеспокоить своих виртуальных собеседников: «Зря не будем беспокоить, / Так сказать, на черный день» [9, 148].

Духовное родство представителей разных видов искусства, разных времен и эпох подчеркнуто в стихотворении «Ты, страна моя, радость и горе...»:

Фет стихи посылает Толстому,
Дарит Чехову снег и солому
Левитан, увидав по-другому
Эту радость с тоской пополам.
Загораются звезды среди мрака,
Это Пушкину нравится тяга
И случайность в стихах Пастернака,
Это Тютчеву мил Мандельштам [8, 40–41].

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что особенностью творческой индивидуальности Александра Кушнера является непреходящее ощущение им единства культурного пространства, создающего поле для непрерываемого духовного общения человечества.

Список использованных источников

1. Дельвиг А. Сочинения : Стихотворения ; Статьи ; Письма [Сост., вступ. ст., коммент. В.Э. Вацуро] / А. Дельвиг. – Л. : Художественная литература, 1986. – 472 с.
2. Кушнер А. Другой дороги нет / А. Кушнер // Новый мир. – 2011. – № 3. – С. 3–7.
3. Кушнер А. Зимние звезды / А. Кушнер // Урал. – 2012. – № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/ural/2012/7/k2.html>
4. Кушнер А. Между двумя дождями, в перерыве... / А.С. Кушнер // Новый мир. – 2008. – № 1. – С. 3–7.
5. Кушнер А. Начать сначала / А. Кушнер // Новый мир. – 1999. – № 2. – С. 3–8.
6. Кушнер А. Не дерево, а роща [Беседу ведет Т. Бек] / А. Кушнер // Новый мир. – 2004. – № 6. – С. 127–139.
7. Кушнер А. Облака в полете / А. Кушнер // Новый мир. – 2012. – № 1. – С. 3–6.
8. Кушнер А. Облака выбирают анапест / А. Кушнер. – М. : Мир энциклопедий Аванта +, Астрель, 2008. – 95 с.
9. Кушнер А. По эту сторону таинственной черты : Стихотворения, статьи о поэзии / А. Кушнер. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 544 с.
10. Кушнер А. Сквозь ночь... / А. Кушнер // Новый мир. – 2002. – № 10. – С. 7–13.
11. Кушнер А. Стихи / А. Кушнер // Звезда. – 2011. – № 9. – С. 3–6.
12. Марченко А. Феномен Кушнера / А. Марченко // Арион. – 2006. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/arion/2006/2/ma29.html>
13. Рахманова С. Александр Кушнер : Приходит на помощь музыка [Беседа с А. Кушнером] / С. Рахманова // Студенческий меридиан. – 2011. – № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stm.ru/archive/1407/>

Summary. The article characterizes dialogic peculiarities of A. Kushner's poetry, one of which is a virtual poet's dialogue with his predecessors. The ways of revealing author's spiritual interconnection with poets of previous centuries, inherent to A. Kushner's artistic manner, is also analyzed in the article.

Key words: dialogue, predecessors, poetry, connection, culture.